

ХОХЛОВА Дарья Даниловна — аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, под. 7; dashanty@rambler.ru)

ИСЛАНДСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ КАК СИМВОЛ НОВОГО ПОПУЛИЗМА

Аннотация. Исландия имеет богатую историю прямой демократии: начиная со средневековой эпохи народовластия и заканчивая на данный момент правлением Йона Гнарра и его «Лучшей партии» в 2010–2014 гг. Вместе с тем Исландия пережила беспрецедентный крах экономической и политической систем, а вслед за ним — такой же беспрецедентный подъем. Ключевые политические решения в стране принимаются путем общественной кооперации и, следовательно, методом кооперативного управления. Ряд принятых решений можно считать спорными. Неоднозначный, безусловно интересный опыт исландского политического управления и популистских инструментов может стать ключом к пониманию новой мировой политической реальности эпохи постправды.

Ключевые слова: кооперативное управление, прямая демократия, популизм, метамодернизм, постанархизм, постправда

Исландия — страна политических экспериментов либертарианского толка. Самый долгий эксперимент длился 332 года — это эпоха народовластия (во многом остающаяся мировым политическим феноменом), начавшаяся в 930 г. и закончившаяся с приходом к власти норвежского короля Хокона IV в 1262 г. Отсчет нового этапа развития исландской модели демократии можно начать с экономического кризиса 2008 г. с кульминацией в 2010–2014 гг. во время правления в столице Йона Гнарра.

1. Исландская трагедия и исландское чудо

Говоря об Исландии как об эффективном государстве, можно привести следующие цифры: со времени экономических реформ 1990-х гг. экономика государства стабильно росла, коэффициент *Gini* не поднимался (с 28,1 в 2004 г. до 26,9 в 2012 г.)¹, уровень безработицы оставался низким (с 1970 г. по 2016 г. в среднем составляет 2,43%; наиболее низкий уровень (0,1%) отмечался в августе 1972 г., наиболее высокий (8,9%) — в ноябре 2010 г.)², ВВП на душу населения — высоким (ежегодный рост с 1997 г. в среднем составляет 0,83%; самым низким показатель (-8,9%) отмечался в I квартале 2009 г., самый высокий (6,2%) — во II квартале 1998 г.)³. До 2008 г. Исландия была примером развитой по европейским меркам страны с растущей экономикой смешанного типа.

Экономический кризис 2008–2010 гг. в Исландии стал крупнейшим в масштабах одного государства. Пол Кругман называет его «величайшей экономической катастрофой в истории» [Krugman 2010]: обанкротились 3 крупнейших частных банка (*Kaupthing*, *Landsbanki*, *Glitnir*), национальная валюта в 2 раза упала в цене, рыночная капитализация исландской фондовой биржи упала более чем на 90%, фирмы и люди становились банкротами⁴. Историю падения исландской экономики можно отмерять с 2000 г. — с приватизации банков, когда на тот момент уже

¹ GINI index. — *The World Bank*. 2012. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=IS&view=map> (accessed 08.03.2017).

² Iceland Unemployment Rate. — *Trading Economics*. 1970–2016. URL: <http://www.tradingeconomics.com/iceland/unemployment-rate> (accessed 08.03.2017).

³ Iceland GDP Growth Rate. — *Trading Economics*. 1970–2016. URL: <http://www.tradingeconomics.com/iceland/gdp-growth> (accessed 08.03.2017).

⁴ Iceland. Crack in the crust. — *The Economist*. 11.12.2008. URL: <http://www.economist.com/node/12762027> (accessed 08.03.2017).

частные организации набрали кредиты в иностранной валюте в размере около 120 млрд долл. Мировой финансовый кризис закономерно обрушил причудливую и бесконтрольную банковскую систему Исландии. В 2008 г. начались массовые выступления в Исландии: за продолжительными общественными протестами («революция чайников и кастрюль», или «посудная революция») в столице последовала отставка министра торговли Бьорвига Сигурдссона, а 26 января 2009 г. — и всего правительства (на последующих досрочных выборах «Партия независимости», лидирующая в парламенте в течение 18 лет, проиграла).

Правительство обратилось за помощью к Международному валютному фонду (МВФ), кредиты также выделили Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия. Парламент в режиме чрезвычайного положения законодательно позволил Управлению по финансовому надзору Исландии взять внутренние депозиты банков под свой контроль (чего раньше в банковской системе Исландии не было). По сути, была создана новая банковская система, латающая финансовые прорехи банков-банкротов. Вследствие этого больше полумиллиона вкладчиков не имели доступа к собственным счетам в иностранных филиалах обанкротившихся банков. Так началось *icesave*: дипломатическое дело между Исландией, Нидерландами и Великобританией, длящееся с 2008 по 2013 г. Предполагалось, что исландцы должны были в течение нескольких лет погасить взятые банками международные кредиты, однако на референдуме в марте 2010 г. исландское общество (93%) приняло решение не выплачивать банковские долги иностранным кредиторам. При поддержке граждан правительство инициировало гражданские и уголовные расследования в отношении лиц, ответственных за финансовый кризис: среди них были как чиновники, так и банкиры. Многие из преследуемых бежали из Исландии. Ситуация в банковском секторе стабилизировалась в 2011 г. посредством национализации, но схемы, контролирующие банки, действуют до сих пор.

Исландское чудо беспрецедентного экономического роста, о котором часто говорят, стоит на трех китах: отстранение коррумпированных чиновников и банкиров, взятие кредитов в МВФ, невыплата этих кредитов. Помимо того что исландское правительство создало эту историю с попустительской завязкой, крайне негативной кульминацией и безответственным облегчением в развязке, в дальнейшем в Исландии поднялись правые силы, спекулирующие на том, что в проблемах Исландии виноват МВФ и Евросоюз. По сути, история крупнейшего в мире кризиса — это во многом история популизма.

2. Йон Гнарр: столица в руках анархистов

Больше половины населения Исландии живет в столице — Рейкьявике¹. Таким образом, Рейкьявик — это репрезентативный срез исландского общества. Анализ политической ситуации 2010–2014 гг. в Рейкьявике немаловажен как в масштабе Исландии, так и для исследования глобального метамодернистского движения — изобретения новой политики. По словам Джона Рентула, историю Йона Гнарра — мэра Рейкьявика в рассматриваемые годы — необходимо изучать, чтобы осознать, в чем именно заключается проблема современных демократий². Кстати, сам Гнарр называет свою партию антидемократической³.

¹ Iceland Demographics Profile. — *Index Mundi*. 2016. URL: http://www.indexmundi.com/iceland/demographics_profile.html (accessed 21.03.2017).

² Rentoul J. 2014. Have you heard the one about Jon Gnarr, the comedian who saved Iceland from political and financial catastrophe? — *Independent*. URL: <http://www.independent.co.uk/news/people/profiles/have-you-heard-the-one-about-jon-gnarr-the-comedian-who-saved-iceland-from-political-and-financial-9730522.html> (accessed 21.03.2007).

³ Zeitchik S. 2016. Icelandic comedian Jón Gnarr's «The Mayor» is like «Veep», only with a real-life politician. — *Los Angeles Times*. URL: <http://www.latimes.com/entertainment/tv/la-et-st-iceland-jon-gnarr-mayor-veep-comedian-politican-20160701-snap-story.html> (accessed 21.03.2017).

В 2010 г., когда у Исландии только начала появляться надежда на выход из кризиса, а новая народная Конституция была в процессе написания, на выборах мэра Рейкьявика победил Йон Гнарр (37%), чья «Лучшая партия» впоследствии будет править 4 года. Статус мэра столицы делает человека второй по значимости фигурой в стране: ему подчиняется 8 тыс. чиновников. Непредсказуемость и экстравагантность победы Гнарра сравнима с победой Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. в США: и к Гнарру, и к Трампу экспертное сообщество, оппоненты и общественность (возможно, и сами выдвиженцы) изначально относились как к шутке, которая, тем не менее, стала политической реальностью. Эти выборы отражают суть эпохи Метамодерна в политике: выбор очевидных политических фриков на роль руководителей столицы или государства вообще — это разрушение политического, отрицание разыгранного политиками имитационного избирательного процесса, это выход из формата «общества спектакля», новые правила игры.

«Лучшая партия» состояла преимущественно из авангардных музыкантов (в нее также входили плотник, архитектор и только закончившая университет политолог Хайда Хельгадоттир, возглавившая предвыборный штаб партии), не имевших политического опыта. Многие ее члены характеризовали себя как аполитичных анархистов, которые по идеологии стояли ближе к концепции управления общими ресурсами Элинор Остром, нежели к разрушению государства (классическому анархизму). Сам Гнарр признавался, что испытывает отвращение к политике, и из этого чувства родилась его партия.

Целью Йона Гнарра была не власть сама по себе: он изначально собирался править не больше одного срока. Крупнейший кризис поставил перед Исландией задачу реформативных старых институтов. Люди протестовали, поток уезжающих из страны увеличился, Гнарр хотел привнести осмысленную радость в жизнь исландцев. Хельгадоттир отмечает, что недостаточное участие исландского общества в докризисном управлении страной стало главным разочарованием общества в самом себе, поэтому они голосовали за кооперативную модель управления.

Статус партии изменялся по мере продвижения к выборам: от шутки, спровоцированной несостоятельностью правящих политиков, до «огромного произведения искусства» и далее — к формированию политического института с горизонтальными связями. После выборов Хельгадоттир сформулировала цель партии: создать новый мир, противоположный существующему.

Все реформы проводились при пустой городской казне в условиях кризиса. Финансирование «Лучшая партия» получала за счет собственных перформансов. Член партии Оттар Проппе говорил: «Мы делаем многое из малого. <...> Так делаются и революции: мы с Йоном всегда со всеми разговаривали. Можно снести классовую систему, и для этого совсем не нужны деньги»¹.

Главным итогом четырехлетнего правления, по мнению Гнарра, стало наглядное подтверждение того, что изменить окружающий мир может любой², — это развенчание классического политического пафоса, паттерна личности политика, сакральности его роли в истории. «Лучшая партия» доказала, что политика может стать делом абсолютно любого человека, она вариативна и имеет бесконечное множество альтернатив, следовательно, чтобы быть эффективным политиком, надо быть гибким и не применять насилие.

Вероятно, победа Йона Гнарра связана с протестным потенциалом населения:

¹ Seibt C. 2014. More punk, less hell! — *Tages-Anzeiger*. URL: <http://www.tagesanzeiger.ch/ausland/europa/More-punk-less-hell/story/10069405> (accessed 21.03.2017).

² Мостовщиков Е. 2013. О, где же ты, брат? — *Русский пенонтер*. № 35(313). Доступ: http://expert.ru/russian_reporter/2013/35/o-gde-zhe-tyi-brat/ (проверено 21.03.2017).

исландское общество сочло кризис лучшим временем для глубоких культурных перемен, и выбор Гнарра стал мягким (поскольку осуществлялся в рамках законодательства), но революционизирующим протестом. Вероятно, его высокая поддержка в конце срока также была обусловлена серьезным подрывом доверия к традиционным политическим силам, ведь до Гнарра в Исландии были 4 ведущие партии: Социал-демократический альянс, «Левые зеленые», Партия независимости, Прогрессивная партия. Две последние отменили регулирование деятельности банков, допустив попадание всей страны в долговую яму, а две первые попытались переложить эти долги на общество¹. В сложившейся ситуации эти политические решения исполнительной власти воспринимались исландцами как предательство, а общий политический контекст казался безальтернативным. Именно поэтому «Лучшая партия», сознательно и открыто не имеющая отношения к существующим до них политическим решениям и взглядам, стала общественным фаворитом. В настоящее время в парламенте не просто осталась анархистская партия, а существует целая анархическая коалиция².

Исландцы проголосовали за честность Йона Гнарра, часто признававшегося, что он не знает, как решить существующие проблемы, откровенно смеющегося над политическим спектаклем (отсюда приставка «сюрреализм» в характеристике его партии, которая публично выворачивает наизнанку политическую действительность): над мифическим всезнанием политиков, над мифом закрытости политики, элитарности и инаковости политических деятелей. В развитых странах некоммерческие организации являются полноправными участниками политического процесса, поэтому государственные политические институты подотчетны, в большей степени открыты и их авторитет зависит от общественной оценки. Современное развитое общество имеет доступ к информации разной степени достоверности, поэтому все чаще может отличить правду от лжи. Если в XX в. основным инструментом политики по-прежнему оставался страх, то в начале XXI в, по всей видимости, конкурируют два политических инструмента: честность и популизм, которые не всегда легко отличить друг от друга.

Популизм — эффективный и проверенный историей политический инструмент в Исландии. Средневековая эпоха народовластия уникальна своей бесклассовой системой, отсутствием вертикали власти и карательного законодательства: Исландия чтит закон и этику, а не власть и элитизм, и соблюдение этого ценностного вектора было исключительно на совести самих граждан. Опыт выхода из кризиса в 2008 г. снова раскрыл популистскую сущность политики страны: исполнительная власть перенесла ответственность за принятие решения о выплате кредитов МФВ на общество, а общество решило попросту проигнорировать выплаты. Избрание Йона Гнарра и его «Лучшей партии» в качестве руководителей столицы в 2010–2014 г. довела исландский популизм до апогея, что позволило городу совершить серьезный экономический и культурный подъем.

Насколько целесообразно применять этическую оценку («плохо» или «хорошо») по отношению к популизму? Термин приобрел негативную окраску в обиходе, словарь же акцентирует лишь общественную направленность такой политики в пику элитистской. Важно, что популизм в современном политическом процессе становится его важнейшим аспектом [Громыко 2016]: упомянутые выше прези-

¹ Boyer D. 2013. On Happiness and Politics: Jon Gnarr's Best Party (2009–2013). — *Perspectives on Europe*. Autumn. Vol. 43. Is. 2. P. 23.

² New poll puts Pirates back on course to win Iceland elections. 2016. — *Iceland Monitor*. URL: http://iceland-monitor.mbl.is/news/politics_and_society/2016/10/21/new_poll_puts_pirates_back_on_course_to_win_iceland/ (accessed 21.03.2017).

дентские выборы в США, выход Великобритании из Евросоюза, конституционный референдум в Италии в 2016 г. и фигура премьер-министра Маттео Ренци, радикализация дискурса публичной политики, глокализация, трудно прогнозируемые электоральные демократические процессы и поиски новых консолидирующих форм вместо ЕС, феномен постправды (*post-truth*) – эти явления раскрывают новую политическую реальность, в которой неопределенность становится естественным, а не транзитным политическим состоянием, а популизм проявляется как мощный инструмент политического влияния (замещаая собой насилие), являясь то настоящей общественной искренностью, то по-новому откровенной публичной ложью.

Список литературы

Громыко Ал.А. 2016. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка. – *Современная Европа*. № 6. С. 5-10.

Krugman P. 2010. The Icelandic Post-crisis Miracle. URL: <http://krugman.blogs.nytimes.com/2010/06/30/the-icelandic-post-crisis-miracle/> (accessed 08.03.2017).

KHOKHLOVA Dar'ya Danilovna, postgraduate student at the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (entr. 7, 1/3 Svol'njgo St, Saint-Petersburg, Russia, 191124; dashanty@rambler.ru)

THE ICELAND MODEL OF DEMOCRACY AS A SYMBOL OF NEW POPULISM

Abstract. *The article briefly discusses the Icelandic model of cooperative governance and the key role of populism as a political tool. The author concludes that the cooperative governance model due to its flexibility, variability and non-engagement is able to resist the political and economic challenges of any complexity. This model is consistent with the principles of post-anarchism: autonomy, voluntary association, self-organization, mutual aid, pure democracy, absence of ideology and political center. Perhaps that is what political practice needs nowadays to overcome crisis of meanings and goals. The ambiguous, certainly interesting experience of Icelandic political management and witty populist tools can be the key to understanding the new world political reality of the post-truth era.*

Keywords: *common governance, governance through collaboration, pure democracy, metamodernism, post-anarchism, post-truth*